

Ф. А. ИСКАНДЕР

*КРОЛИКИ И УДАВЫ
СТОЯНКА ЧЕЛОВЕКА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
И86

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фереа*

Художественное оформление
А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко
студия «FOLD & SPINE»

Искандер, Фазиль Абдулович.
И86 Кролики и удавы : [сборник] / Фазиль Абду-
лович Искандер. — Москва : Издательство АСТ,
2023. — 448 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-107314-5

Притча «Кролики и удавы» была, как и большин-
ство шедевров Искандера советского периода, написана
«в стол», впервые опубликована за рубежом, лишь в 1986
году предстала на суд российских читателей — и произвела
скандал, сравнимый лишь с прижизненными публикация-
ми язвительных сказок Салтыкова-Щедрина.

На чем держится власть могущественных удавов над
наивными, простодушными кроликами?

На страхе — слепящем, иррациональном, сковывающем
страхе.

На чем держится идея неистово смелого кролика, по-
пытавшегося скинуть эту кровожадную власть?

На простом отрицании страха, — ведь чем можно запугать
тех, кому в принципе нечего терять?

Но почему кролики еще более недовольны столь рево-
люционной идеей, чем их ползучие хозяева и палачи? Быть
может, потому, что и сами они, привыкшие жить в «ма-
ленькой, но очаровательной несправедливости» воровства
и взяточничества, боятся смены власти куда сильнее, чем
возможности быть съеденными?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-17-107314-5

© Ф.А. Искандер, наследники, 2018
© ООО «Издательство «АСТ», 2023

КРОЛИКИ И УДАВЫ

Это случилось в далекие-предалекие времена в одной южной-преюжной стране. Короче говоря, в Африке.

В этот жаркий летний день два удава, лежа на большом мшистом камне, грелись на солнце, мирно переваривая недавно проглоченных кроликов. Один из них был старый одноглазый удав, известный среди собратьев под кличкой Косой, хотя он был именно одноглазый, а не косой...

Другой был совсем юный удав и не имел еще никакой клички. Несмотря на молодость, он уже достаточно хорошо глотал кроликов и поэтому внушал достаточно большие надежды. Во всяком случае, он еще недавно питался мышками и цыплятами диких индеек, но теперь уже перешел на кроликов, что было, учитывая его возраст, немалым успехом.

Вокруг отдыхающих удавов расстилались густые тропические леса, где росли слоновые и кокосовые пальмы, банановые и ореховые деревья. Порхали бабочки величиной с маленькую птичку и птицы величиной с большую бабочку. Вспыхивая разноцветным оперением, с дерева на дерево перелетали попугаи, даже на лету не переставая тараторить.

Иногда на вершинах деревьев трескали ветки и взвизгивали обезьяны, после чего раздавался сонный рык дремлющего поблизости льва. Услышав рык, обезьяны переходили на шепот, но потом, забывшись, опять начинали взвизгивать, и опять лев

рыком предупреждал их, что они ему мешают спать, а он с вечера отправляется на охоту.

Обезьяны снова переходили на шепот, но совсем замолкнуть никак не могли. Они вечно о чем-то спорили, а чего они не поделили, было непонятно.

Впрочем, два удава, отдыхающие на мшистом камне, не обращали внимания на эти взвизги. Какие-нибудь глупости, думали они, иногда мимоходом улавливая обезьянью возню, какой-нибудь гнилой банан не поделили, вот и спорят...

— Я одного никак не могу понять, — сказал юный удав, только недавно научившийся глотать кроликов, — почему кролики не убегают, когда я на них смотрю, ведь они обычно очень быстро бегают?

— Как — почему? — удивился Косой. — Ведь мы их гипнотизируем...

— А что такое «гипнотизировать»? — спросил юный удав.

Следует сказать, что в те далекие времена, которые мы взялись описывать, удавы не душили свою жертву, но, встретившись, или, вернее, сумев подстеречь ее на достаточно близком расстоянии, взглядом вызывали в ней то самое оцепенение, которое в простонародье именуется гипнозом.

— А что такое «гипнотизировать»? — стало быть, спросил юный удав.

— Точно ответить я затрудняюсь, — сказал Косой, хотя он не был косой, а был только одноглазый, — во всяком случае, если на кролика смотреть на достаточно близком расстоянии, он не должен шевелиться.

— А почему не должен? — удивился юный удав. — Я, например, чувствую, что они у меня иногда даже в животе шевелятся...

— В животе можно, — кивнул Косой, — только если он шевелится в нужном направлении.

Тут Косой слегка поерзал на месте, чтобы сдвинуть проглоченного кролика, потому что тот вдруг остановился, словно услышал их разговор.

Дело в том, что в жизни этого старого удава был несчастный случай, после которого он лишился одного глаза и едва остался жив. Каждый раз, когда он вспоминал этот случай, проглоченный кролик останавливался у него в животе, и приходилось слегка поерзать, чтобы сдвинуть его с места. Вопросы юного удава опять напомнили ему этот случай, который он не любил вспоминать.

— Все-таки я не понимаю, — через некоторое время спросил юный удав, — почему кролик не должен шевелиться, когда мы на него смотрим?

— Ну, как тебе это объяснить? — задумался Косой. — Видно, так жизнь устроена, видно, это такой старинный приятный обычай...

— Для нас, конечно, приятный, — согласился юный удав, подумав, — но ведь для кроликов неприятный?

— Пожалуй, — после некоторой паузы ответил Косой.

В сущности, Косой для удава был чересчур добрый, хотя и недостаточно добрый, чтобы отказаться от нежного мяса кроликов. Он делал для кроликов единственное, что мог, он старался их глотать так, чтобы причинить им как можно меньше боли, за что в конце концов поплатился.

— Так неужели кролики, — продолжал юный удав, — никогда не пытались восстать против этого неприятного для них обычая?

— Была попытка, — ответил Косой, — но лучше ты меня об этом не спрашивай, мне это неприятно вспоминать...

— Но, пожалуйста, — взмолился юный удав, — мне так хочется послушать про что-нибудь интересное!

— Дело в том, — отвечал Косой, — что восстал именно мой кролик, после чего я и остался одноглазым.

— Он что, тебе выцарапал глаз? — удивился юный удав.

— Не в прямом смысле, но, во всяком случае, по его вине я остался одноглазым, — сказал Косой, прислушиваясь, как воздействуют его слова на движение кролика внутри живота. Ничего, кролик как будто двигался...

— Расскажи, — снова взмолился юный удав, — мне очень хочется узнать, как это случилось...

Косой был очень старый и очень одинокий удав. Взрослые удавы к нему относились насмешливо или враждебно, поэтому он так дорожил дружеским отношением этого еще юного, но уже вполне умелого удава.

— Ладно, — согласился Косой, — я тебе расскажу, только учти, что это секрет, молодые удавы о нем не должны знать.

— Никогда! — поклялся юный удав, как и все кланущиеся в таких случаях, принимая жар своего любопытства за горячую верность клятве.

— Это случилось лет семьдесят тому назад, — начал Косой, — я тогда был не намного старше тебя. В тот день я подстерег кролика у Ослиного Водопоя и вполне нормально проглотил его. Сначала все шло хорошо, но потом, когда кролик дошел до середины моего живота, он вдруг встал на задние лапы, уперся головой в мою спину и...

Тут Косой внезапно прервал свой рассказ и стал к чему-то прислушиваться.

— Уперся головой в твою спину, и что? — в нетерпении спросил юный удав.

— Сдается мне, что нас подслушивают, — сказал Косой, поворачиваясь зрячим профилем в сторону кустов рододендрона, возле которых они лежали.

— Нет, — возразил юный удав, — тебе это показалось, потому что ты плохо слышишь. Рассказывай дальше!

— Я косой, а не глухой, — проворчал старый удав, но постепенно успокоился. По-видимому, подумал он, шорох ветра в кустах рододендрона и принял за шевеление живого существа.

И он продолжил свой удивительный рассказ. Так как он часто прерывался — то занимаясь своим кроличьим запором, то подозревая, что его кто-то подслушивает, с чем юный удав никак не соглашался, потому что опасения за чужую тайну всегда кажутся преувеличенными, — мы более коротко перескажем эту историю.

Не опасаясь подслушивания, да и, признайтесь, приятно быть смелым за счет чужой тайны, мы расскажем все, как было.

Итак, Косой, который тогда не был ни старым, ни косым, проглотил кролика у Ослиного Водопоя. И действительно, сначала все шло как по маслу, пока кролик вдруг не встал на задние лапы и снизу не уперся головой ему в спину, давая понять, что он дальше двигаться не намерен.

— Ты что, — говорил ему Косой, — баловаться вздумал? Переваривайся и двигайся дальше!

— А я, — кричит кролик из живота, — назло тебе так и буду стоять!

— Делай им после этого добро, — сказал Косой и, подумав, добавил: — Посмотрим, как ты устоишь...

И стал он лупцевать его своим молодым, еще эластичным и сильным хвостом. Лупцует, лупцует, аж самому больно, а кролику ничего.

— А мне не больно, а мне не больно! — кричит он из живота.

В самом деле, подумал удав, ведь шкура у меня толстая, и вся боль, предназначенная этому негодяю, приходится на меня самого.

— Ладно, — все еще спокойно говорил Косой, — сейчас я тебя сдерну отсюда...

Он посмотрел вокруг, нашел глазами огромную кокосовую пальму, у которой один из корней, подмытый ливнями, горбился над землей. Он осторожно прополз под корень до того самого места, где живот его растопырил этот живучий кролик.

— Ложись! — крикнул он. — Сейчас молотить начну!

— Молоти! — отвечал ему из живота этот бешеный кролик. — Сейчас покрепче упрусь!

Тут удав в самом деле разозлился и давай ерзать изо всех сил под своим корнем: взад-вперед! взад-вперед!

Пальма трясется, кокосовые орехи летят на землю, а кролику хоть бы что!

— Давай! — кричит. — Еще! — кричит. — Слабо! — кричит.

Косой от ярости так растряс пальму, что обезьяна, с любопытством следившая за его странным поведением, неожиданно свалилась ему на голову. Удар был очень чувствительный, потому что обезьяна летела с самой вершины этой пальмы. Он попытался ее укусить, но она, шлепнувшись ему на голову, успела отлететь в сторону. Он метнулся было за нею, но кролик, стоявший у него поперек живота, не дал ему дотянуться до нее.

Уже до этого достаточно оскорбленный поведением кролика, а теперь и вовсе обесчещенный падением обезьяны на голову, удав пришел в неимоверную ярость и так дернулся, что корень оборвался, и он изо всех сил ударился головой о самшитовое дерево, росшее рядом, и потерял сознание.

Примерно через час он пришел в себя и, приподняв голову, огляделся. Хотя в голове у него гудело, он все-таки услышал вокруг родное шипение родных удавов. Узнали, значит, приползли, переговариваются...

— Коль не повезет, — прошипел один, — так и кроликом подавишься...

— А некоторые еще нам завидуют, — сказал удав, известный среди удавов тем, что привык все видеть в мрачном свете.

— Братцы, — простонал Косой, — умялся он там, пропихнулся?

— Примерно на одну обезьянью ладонь пропихнулся, — сказал удав, лежавший поблизости.

— Смотря какая обезьяна, — вдруг сверху с пальмы проговорила мартышка, — если взять орангутана, то получится, что кролик и на четверть ладони не продвинулся...

— Этот кролик и не пропихнулся, и не умялся, — подхватил удав, привыкший все видеть в мрачном свете, — как стоял колом, так и стоит...

— Братцы, — взмолился Косой, — помогите...

— Плохи наши дела, — вдруг раздался голос царя удавов Великого Питона, — дурной пример заразителен... Уже обезьяны начинают нас поучать...

— А что, обезьяны хуже других? — сварливо огрызнулась с пальмы мартышка. — Чуть что, сразу обезьяны, обезьяны...

Услышав голос Великого Питона, бедный Косой пришел в ужас и даже забыл о своих несчастьях.

Дело в том, что, появляясь среди удавов, Великий Питон произносил боевой гимн, который все удавы в знак верности должны были выслушивать, приподняв голову.

Вот слова этого короткого, но по-своему достаточно выразительного гимна:

Потомки дракона,
Наследники славы,
Питомцы Питона,
Младые удавы,
Проглоченных кроликов сладкое бремя
Несите! Так хочет грядущее Время!

Для Великого Питона все удавы считались младыми, даже если они по возрасту были старше его. Удав, прослушавший приветствие, не приподняв головы, лишался жизни как изменник.

Вот почему Косой, еще не ставший Косым, услышав голос Великого Питона, пришел в ужас, ведь он был в бессознательном состоянии и не мог поднять головы во время чтения гимна.

На самом деле он напрасно так испугался. Привычка при звуках гимна поднимать голову была так сильна, что он и в бессознательном состоянии, услышав гимн, поднял голову вместе со всеми удавами.

По предложению Великого Питона удавы стали обсуждать, как спасти своего неудачливого соплеменника. Один удав предложил ему доползти до вершины самой высокой пальмы и оттуда шлепнуться на землю, чтобы раздавить дерзкого кролика.

— Что вы, братцы, — взмолился пострадавший, — да я сейчас и не доползу... А если допол-

зу, то обязательно шлепнусь не тем местом... Мне же не везет...

— Верно, не доползет, — сказал Великий Питон. — Какие еще будут предложения?

— А может, кролика выпустить, и дело с концом? — неуверенно проговорил один из удавов.

Великий Питон задумался.

— С одной стороны, это выход, — сказал он, — но с другой стороны, пасть удава — это вход, а не выход...

— А мы его не пустим, — осмелел тот, что внес это странное предложение, — как только он выскочит, мы его тут же обработаем.

— Да я лучше ежа проглочу, чем этого бешеного кролика, — сказал удав, привыкший все видеть в мрачном свете.

— Тише, — предупредил Великий Питон, — шипите шепотом, не забывайте, что враг внутри нас... Во всяком случае, внутри одного из нас... За всю свою жизнь, а мне, слава богу, двести лет, был только один случай, чтобы кролик выскочил из пасти удава.

— Расскажи, — стали просить удавы, — мы об этом никогда не слышали.

— Братцы, — застонал Косой, — решайте скорее, а то уже нет сил терпеть.

— Подожди, — ответил Великий Питон, — дай мне поговорить со своим народом... Это случилось в те золотые времена, когда среди удавов была распространена игра, которая называлась «Кролика на кролика до следующего кролика».

— Да что еще это за игра? — закричали удавы. — Расскажи нам о ней!

— Братцы, — снова взмолился Косой, но его уже никто не слушал. Обычно, если Великий Питон на-

чинал вспоминать о том, что было раньше, его трудно было остановить.

А между прочим, в самом деле, в старину среди удавов была распространена эта игра. Один удав, проглотивший кролика, находил другого удава, проглотившего кролика, и предлагал ему:

— Кролика на кролика до следующего кролика?!

— Идет, — отвечал второй удав, если соглашался на игру.

Игра заключалась в том, что два играющих удава ложились рядом и по знаку третьего, который брал на себя роль судьи, кролики начинали бегать наперегонки внутри удавов — от хвоста до головы и обратно. Чей кролик оказывался проворней, тот и выигрывал. Бег кроликов внутри удавов можно было легко проследить, потому что спина удава волнообразно прогибалась по ходу движения кролика. Забавно, что сам бег кроликов вызывался тем, что судья, изменив голос, кричал кроликам:

— Бегите, кролики, удав рядом!

После этого оба кролика начинали метаться внутри удавов, потому что, очнувшись от гипноза, они никогда не помнили, что с ними случилось. Они считали, что попали в какую-то странную нору, из которой надо искать выход.

Удав, чей кролик оказывался проворней, считался победителем. Выигрыш его состоял в том, что проигравший должен был найти ему кролика, загипнотизировать его и, скромно отползая в сторону, дать проглотить выигравшему. Это была адская мука. Некоторые удавы после двух-трех проигрышей не выдерживали и заболевали нервными заболеваниями.

По словам Великого Питона, в этой игре имелась та особенность, что чем больше выигрывал тот или

иной удав, тем сильнее растягивался его желудок, чем сильнее растягивался его желудок, тем легче становилось бежать следующему кролику и, следовательно, тем больше шансов выиграть появлялось у этого удава. Среди удавов, оказывается, даже был один чемпион, который так разработал свой желудок, что заставлял внутри него бегать козленка.

— Царь, а, Царь, — вдруг перебил Великого Питона удав-коротышка.

Среди удавов он был известен своей неутомимой любознательностью, которая его уже привела к тому, что он вместо кроликов начал глотать бананы и притом имел наглость уверять, будто они довольно вкусные. К счастью, этому вольнодумству никто из удавов не последовал. Все-таки Коротышка Великому Питону был неприятен, как моральный урод.

— Царь, а, Царь, — спросил Коротышка, — а что если я, например, короткий, а другой, например, длинный?.. Во мне кролик быстрее будет бегать от головы до хвоста?

— У-у-у, Коротышка, — зашипел на него Великий Питон, — вечно ты себя противопоставляешь... Не думай, что в старину удавы были глупее тебя. Если один из удавов оказывался длиннее, его подворачивали настолько, насколько он оказывался длиннее.

Тут удавы пришли в радостное возбуждение, до того им понравился рассказ Царя и удивительно справедливые условия этой древней игры.

— Да здравствует Царь и его память! — закричали они. — Хотим играть в эту замечательную игру!

— К сожалению, невозможно, — печально сказал Великий Питон, дождавшись тишины.